
ОН СТАЛ ЕЁ ТЕНЬЮ,
ЧТОБЫ СПАСТИ СЕМЬЮ.
ТЕПЕРЬ ЕЁ ВЫХОД —
жить правдой
и выбрать любовь.
В чужом платье
ОДНА ЛОЖЬ.
ДВА СЕРДЦА.
И НИКАКИХ ПРАВИЛ.
Жанна Пестряева

Жанна Пестряева

В чужом платье.

«Автор»
2026

Пестряева Ж.

В чужом платье. / Ж. Пестряева — «Автор», 2026

Кто сказал, что мужчина не может стать идеальной невестой? Он — блестящий фехтовальщик, острый на язык повеса и заядлый холостяк. Но когда его сестра сбегает накануне помолвки с могущественным, холодным и невероятно богатым графом ему приходится надеть платье, корсет и вуаль, чтобы спасти семью от разорения. Теперь он — «хрупкая, больная барышня», которая случайно разбирается в военной тактике, сыплет цитатами из философов и виртуозно фехтует дубиной, разгоняя бандитов.Граф в полном недоумении: его невеста то падает с лошади в обмороке, то спорит о смысле жизни под луной. Он не знает, что влюбляется в мужчину, а та, кого он считает своей избранницей убежала с бедным музыкантом.Кто победит в этой комедии ошибок? Ложь, которая становится правдой? Или истинная любовь, которая родилась там, где её меньше всего ждали?

© Пестряева Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро, испорченное на корню. 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Жанна Пестряева
В чужом платье.

Глава 1. Утро, испорченное на корню.

Первый визит. Стратег и пешка.

Карета графа Дмитрия Бобруйского подъехала к усадьбе Вишенских не как свадебный кортеж, а как инспекция. Всё было чётко, сухо, по расписанию. Сам граф, выйдя из экипажа, поразил всех не возрастом (ему было немного за сорок) и не уродством (он был скорее строен и интересен резкими чертами лица), а абсолютной, ледяной выверенностью каждого жеста. Казалось, даже складки на его сюртуке ложились по математическому расчёту.

В гостиной, заставленной милыми безделушками и пыльными гербариями, он выглядел пришельцем с другой планеты. Чай он принял, но не пил, лишь поставил фарфоровую чашку на блюдце с таким гулким звоном, что все вздрогнули.

– Благодарю за гостеприимство, граф Василий, – начал он, и его голос, низкий и ровный, заполнил комнату, вытеснив собой уют. – Я полагаю, нам стоит обсудить дело без лишних церемоний. Мне нужна жена. Вам нужно решить вопрос с долгами и укрепить положение. Ваша дочь, как мне известно, здорова, молода и получила приличное воспитание. Я предлагаю союз. Выгодный, рациональный и, надеюсь, удовлетворяющий для всех сторон.

Он говорил о браке, как о слиянии двух компаний. О детях – как о «продолжении линии и гарантии наследства». О жизни Софьи в его имении – как о «приобретении нового, более эффективного управляющего для женской половины дома». Софья, сидевшая рядом с матерью, застыла. Цветущее, живое лицо её постепенно становилось восковым. Она ловила каждое слово, и с каждым словом внутри неё умирала какая-то маленькая надежда. Он не смотрел на неё как на женщину. Он оценивал её. Его взгляд, быстрый и аналитический, скользнул по её фигуре, лицу, рукам – как взгляд покупателя на лошадь: «Зубы целы? Копыта крепки? Характер покладист?»

Когда он, закончив свою речь, наконец обратился к ней напрямую, Софья вздрогнула.

– Барышня Софья, вы, я надеюсь, понимаете разумность данного предложения?

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. От ужаса. От осознания, что её жизнь, её мечты, её сердце – всего лишь переменные в его бездушном уравнении. Он был не злодеем из сказки. Он был хуже – он был бесстрастным архитектором, и её предназначили быть одним из кирпичиков в его идеальном, холодном проекте.

Тайные встречи. Музыка против арифметики.

Первую тайную встречу с Алексеем после визита графа Софья начала не с объятий, а с тихих, неистовых слёз. Они сидели на старой скамейке у ручья, в самом глухом уголке сада Вишенских.

– Он… он спросил о моих навыках, увлечениях, знаниях языков, какие книги читаю! – всхлипывала она, сжимая его руку так, что кости хрустели.

– О том, как часто я болею в году! Он сказал, что «эмоциональная неустойчивость нежелательна в виду ответственности положения»! Я для него – породистая кобылица!

– Тсс, тише, Софи, тише, – Алексей не пытался утешать её громкими словами. Он просто держал её, гладил по волосам, и его тихий, спокойный голос был полной противоположностью металлическому тембру графа.

– Он дурак. Гениальный, расчетливый, но дурак. Он не видит в тебе самого главного.

– Чего? – спросила она, поднимая заплаканное лицо.

– Твоей души. Твоей музыки. Того, как ты смеёшься, как читаешь стихи. Как у тебя взлетает бровь, когда ты не согласна. Он из тех, кто в картине не разглядел, что она шедевр.

Алексей не был героем. Он был худощавым, с задумчивыми глазами и тонкими, длинными пальцами, вечно перепачканными чернилами или смычковой канифолью. Он говорил не о дуэлях и подвигах, а о гармонии музыкальных фраз, о красоте старых книг, о том, как меняется свет в лесной чаще за час до заката. Рядом с ним Софья не чувствовала себя экспонатом. Она чувствовала себя человеком. Со всеми своими страхами, глупостями и смешными мечтами. Их диалоги были тихим бунтом против мира графа Бобруйского. Там, где граф видел облако долгов и выгоду, они видели облако, похожее на дракона. Там, где граф планировал расписание приёмов, они планировали, какую оперу хотелось бы послушать, если бы вдруг оказались в Италии.

Бегство в неизвестность.

Ночь выдалась тёмной, безлунной. Туман стелился по земле, окутывая сад Вишенских молочно-белой пеленой, сквозь которую едва пробивались огоньки из окон барского дома. Софья стояла у своего окна, вцепившись в подоконник так, что побелели костяшки. Она уже простилась с комнатой, с портретом матери, с детством. Письмо Артуру лежало под пресс-папье на его столе.

Тихий скрежет у калитки заставил её сердце пропустить удар. Она взяла небольшой саквояж с самыми необходимыми вещами — пара сменного белья, несколько книг, засушенный цветок из их с Алексеем первого лета. Всё. Её прошлая жизнь умещалась в этот жалкий ридикюль. Она выскользнула из комнаты, стараясь не скрипеть половицами. В коридоре было темно, лишь слабый свет лампады в углу освещал знакомые до боли стены. Она миновала дверь родителей, прислушалась к их ровному дыханию, и её сжало чувство вины, но шаг не замедлила. В саду её встретил Алексей, дрожащий от утреннего холода и нервного напряжения. В руках он держал старую крестьянскую котомку и футляр со скрипкой — единственное сокровище, которое он взял с собой.

— Это всё? — шёпотом спросил он, вглядываясь в её лицо, бледное в сером предрассветном свете.

— Всё, — так же тихо ответила она. Он взял её за руку. Ладони были ледяными, но её ладонь в его руке казалась единственным правильным местом на земле.

Они крались через сад, обходя знакомые клумбы, вдоль старой яблони, под которой они целовались этим летом, мимо зарослей сирени, где он впервые сказал ей, что любит. Каждый шаг отдавался в груди глухим, паническим стуком.

Сердце колотилось так, что казалось, его стук разбудит весь дом. Задняя калитка, ведущая в поле, была заперта. Алексей достал старый, смазанный ключ, который неделю назад выпросил у старого садовника за бутылку настойки. Скрежет замка был мучительно громким, но калитка поддалась, и они выскользнули наружу.

Холодный утренний ветер ударил в лицо, пахнущий мокрой травой и свободой. Они побежали. Сначала по узкой тропинке, потом через мокрое от росы поле, где под ногами хлюпала земля, и Софья несколько раз чуть не поскользнулась в своих лёгких городских туфельках. Алексей держал её за руку, не давая упасть, и она порхала, как бабочка, не чувствуя ни ног, ни холода, ни страха. Только ветер, её дыхание и его рука.

За мельницей, где мокрые лопасти застыли в ожидании ветра, их ждала повозка. Старый кучер Прокофий, закутанный в тулуп, несмотря на лето, сидел на козлах, равнодушно попыхивая трубкой. — Наконец то, — буркнул он, сплёвывая табачную жвачку. — Садитесь, баре. Да побыстрее, пока дом не проснулся.

Они забрались в кузов, накрытый старым, пахнущим конским потом, брезентом. Повозка была жёсткой, неуютной, но им показалось, что они забрались в мягчайший диван в богатейшей карете. Софья прижалась к Алексею, и он обнял её, чувствуя, как её трясёт от холода

и пережитого волнения. Прокофий щёлкнул языком, лошадь тронулась. Телега скрипнула и покатила по разбитой лесной дороге, удаляясь от усадьбы, от всего, что было раньше.

— Куда мы едем? — тихо спросила Софья, поднимая заплаканное лицо к Алексею.

— Не знаю, — честно ответил он. Его голос был ровным, но она чувствовала, как бьётся его сердце под сюртуком.

— Просто едем. Подальше. В лес.

Она кивнула. Этого было достаточно. Впереди клубилась плотная, молочная стена тумана. Где-то там, в этой белой неизвестности, начиналась их новая жизнь. Без денег, без положения, без планов. Главное — они вместе. Дорога вела их в никуда. И это «никуда» было прекраснее любых графских хором.

Имение в панике.

А пока беглецы исчезали в предрассветном тумане, в имении Вишенских, что под самым Бобруйском, творилось нечто невообразимое. Воздух, густой от запаха нагретой пыли и скошенного сена, звенел теперь от испуганных голосов.

Такого тут не приключалось со времён Великого княжества Литовского, когда прапрадед нынешнего графа Вишенского, Сигизмунд, по ошибке продал шведу не ту лошадь, и ему пришлось неделю прятаться в камине.

А паника, как известно, начинается с женщин. Графиня Анжелика Вишенская, обычно воплощение сдержанности, пала духом и лежала на турецком диване, беспомощно обмахиваясь сложенным веером. Она напоминала птицу с подбитым крылом. Графиня издавала звуки, средние между воплем филина и скрипом несмазанной телеги. Её грудь вздрагивала в такт.

— Василий! Василий, он же всё рассчитал, как на шахматной доске! А мы мы теперь просто пешки, которым объявили мат! — голосила она, обращаясь к супругу. — Он же Бобруйский! Он смотрит на людей, как на бревна, которые надо ровно уложить в поленницу!

Граф Василий Вишенский, мужчина в самом рассвете увядания, а именно — пятидесяти пяти лет от роду, не находил, что ответить. Он только хватал ртом воздух, будто вытащенная на берег рыба-карп. Граф мерно шагал от камина к распахнутому окну, откуда лился слепящий солнечный свет и доносилось мирное жужжание, и теребил фалды сюртука. В сюртуке, к слову, уже отчаянно трещал шов. Не от хорошей жизни, а оттого, что граф за последний месяц изрядно поправился на почве нервов.

— Молчи, Анжелика, — сипел он. — Надо думать. Думать! Хотя о чём думать? Пропала. Сбежала. Накануне помолвки. С этим музыкантом! Я этого Бобруйского боюсь больше, чем турецкого ятагана. Он же не разгневается, нет. Он возьмёт, и без всякого шума хлоп!.. и наш вексель, который у него, станет единственным, что останется от нашего рода. Мы будем должны ему следующие три поколения! И проценты! Проценты, Анжелика! Сложные!

Граф Василий, казалось, не слышал собственного голоса. Он схватился за спинку стула, чтобы не упасть, и заговорил тише, но от этого его слова звучали ещё страшнее: — Ты понимаешь, Анжелика, что это не просто долг? Это не просто вексель, который можно когда-нибудь отдать. Бобруйский уже год скупает наши земли. Через месяц он сможет объявить нас банкротами. Он выставит имение на торги. И мы — его голос сорвался, — мы останемся на улице. Я, ты, Артур, а теперь и Соня с её музыкантом — все пойдём по миру. А Бобруйский купит нашу усадьбу за бесценок и посмеётся, что мы сами себя загнали в петлю. Он замолчал, переводя дыхание.

В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как за окном жужжит муха, бьющаяся о стекло. В эту душераздирающую сцену, словно не замечая грозовых туч, собравшихся над родным гнездом, впорхнул любимый сын и надежда фамилии, Артур Вишенский. На его щеках играл румянец от быстрой ходьбы, в руках он держал пару луговых цветов, запутавшихся в петлице. Он только что вернулся с утренней прогулки, на щеке красовалась царапина от ветки,

а в душе царила умиротворённая благодать, которую могут дать только два часа, проведённые наедине с ружьём, болотом и парой уток, которых он, впрочем, так и не подстрелил.

— Что случилось? — спросил он, снимая мокрый плащ. — Опять папаша наш вексель Бобруйскому проиграл в карты? Или матушке привиделось, что служанка Марфутка красивее неё в новом чепце? Или она обнаружила, что розы в палисаднике недостаточно розовые?

— Молчи, несчастный! — взревел граф, найдя наконец, на ком сорвать накопившуюся досаду. — Твоя сестра! Твоя легкомысленная, ветреная сестрёнка! Она она взяла и испарилась! С этим скрипачом своим! Оставила записку! Читай! — Он швырнул в Артура смятый листок.

Артур поднял записку. Почерк был знакомым до боли — таким же, каким он сам писал в юности, пока учитель каллиграфии не отучил его от излишней лёгкости. Пока Артур читал письмо, в углу гостиной сгрудилась челядь. Старый камердинер Ефим, служивший у Вишенских сорок лет, мелко крестился, шепча что-то про себя. Молодая горничная Дуняша закрыла лицо передником и тихо всхлипывала — она обожала барышню. Повариха Агафья, женщина могучего телосложения, хмуро переглядывалась с лакеем Петром.

— Пропали наши головы, — прошептал Пётр. — Граф Василий не пощадит, что не доглядели, как барыня сбежала.

— Цыц, — рявкнул на них Ефим, хотя его собственная рука, державшая серебряный поднос, дрожала так, что ложечки звенели. — Не сметь при господах! Всё образуется. У нашего-то Артура Васильевича голова варит не хуже, чем у того ну, у кого надо.

Он посмотрел на молодого барина с надеждой, смешанной с отчаянием. Вишенские всегда были добры к своим людям. Если правда вскроется и Бобруйский узнает о побеге, имение разорят, слугам придётся идти по миру.

Письмо было коротким: «**Дорогие, особенно Артур. Не могу я выйти замуж за графа. Он смотрит на меня, как на новый коллекционный экспонат. Или на как на новый вид животного. Не хочу жить с этим человеком. Я люблю Алексея. Мы уезжаем. Простите. Ваша Софи**». Артур присвистнул. Длинно и с придыханием. В голове, как кадры из плохой мелодрамы, пронеслись картины: сестра в клетке, а могучий граф Бобруйский в цилиндре и с усами тычет в неё пальцем, приговаривая: «**Цыть**, **животное!**». Потом картина сменилась: Алексей, тот самый музыкант, худой и восторженный, читающий ей стихи под дождём. Артур всегда считал того придурковатым, но безвредным. Теперь выходило, что придурковатость — страшная сила.

— Ну что, — сказал Артур, опуская записку. — Поздравляю, папаша. Ваш зять будет не граф, а человек, идеально знающий разницу между allegro и andante. Без денег, зато на скрипке играет.

— Играй он хоть на сковороде! Артур, не до ироний! — воскликнул граф, и его лицо приобрело цвет спелой свёклы. — Через несколько часов за ней пришлют карету! А потом — обед в его доме и объявление о помолвке! Что мы скажем? Что наша невеста, словно фея из сказки, исчезла с первыми лучами солнца? Да он с нас последнюю рубаху снимет! Вместе с фамильным гербом!

Артур перечитал письмо ещё раз. Он знал графа Бобруйского понаслышке. Холодный, расчётливый, с репутацией человека, который не прощает долгов и не терпит неповиновения. Он представил сестру в этом холодном доме, под этим ледяным взглядом, и его передёрнуло. Софья была права. Она там просто засохла бы. Поэтому его сестрёнка сбежала. Но цена этой правды могла стать катастрофой для всей семьи.

Графиня тихо всхлипнула, закрывая лицо кружевным платочком. Казалось, даже гортензии за окном поникли от всеобщего отчаяния. Артур взглянул на отца, на мать, на портрет сурового предка в рыцарских доспехах. Его взгляд скользнул по комнате и остановился на белом летнем платье, висевшем на резной ширме. Платье для помолвки, сшитое для Сони. Для его зеркальной копии. Он стоял перед ширмой, глядя на белое платье, и в ушах у него

звенел детский смех. Ему было восемь, Софье — восемь. Они выменяли друг у друга одежду на вечер. Он в её розовом платьице, она — в его штанишках и рубашке. Мать, войдя в детскую, охнула. Отец потом долго хохотал и сказал: «Вот ведь, шалунишки!». Потом было ещё несколько таких игр. В гостях у тётушки они разыграли кузину, заставив её гадать, кто из них Артур, а кто Софья. Кузина сдалась после получаса, а они, счастливые, показывали друг другу языки за её спиной.

В этот момент графиня издала особенно пронзительный звук и окончательно сползла с дивана на пол, изображая из себя драпировку. Горничные бросились ей помогать, поднимая графиню, будто мешок с овсом. Принесли лечебные капли для успокоения. В доме запахло солью, лавандой и крахом.

Артур посмотрел на отца, красного и задыхающегося. Посмотрел на мать, которая теперь тихо всхлипывала в кружевной платок. Посмотрел на портрет деда Сигизмунда над камином, который, казалось, ехидно подмигивал ему из прошлого. И в этот миг в голове у Артура, известного в уезде не только как неплохой стрелок, но и как мастер по выходу из дурацких положений, щёлкнуло. "*Мы всегда были друг другом поддержкой",* — подумал Артур. Он стоял с запиской в руке, и в голове его, помимо ярких картинок побега сестры, вдруг всплыло другое воспоминание. Год назад. Софья, в его охотничьем сюртуке, с его ружьём, стоит перед зеркалом в коридоре.

Артур почувствовал, как внутри него, за привычной маской повесы и насмешника, медленно поднимается волна настоящего, холодного страха. Не за себя — за отца, за мать, за разорённое имение. Но он привык не показывать страха. В нём жила та самая «придурковатая» смелость, которую он только что приписывал Алексею. В конце концов, если его сестра смогла рискнуть всем ради любви, почему он не может рискнуть всем ради спасения семьи? Он вдруг осознал, что его рука уже тянется к платью. Тонкая ткань скользнула под пальцами, прохладная, почти живая. Его тронула идея, показавшаяся ему сначала дикой. Но чем дольше он стоял, тем яснее он понимал: это не просто выход. Это единственный выход.

Глава 2

Глава 2. Великое превращение и лесная одиссея.

Имение Вишенских.

Щелчок в голове Артура был похож на звук взводящегося курка. Не музыка, не озарение — чистое, холодное понимание того, что нужно делать. Он вдруг осознал, что больше не чувствует страха. Страх ушёл, оставив место странной, почти пьянящей решимости.

Он посмотрел на платье. Потом на отца, который уже начал заикаться от отчаяния. Потом на мать, которая, казалось, была готова провалиться сквозь землю. И внутри него выросла уверенность, что если он не скажет сейчас — никто не скажет никогда. А если он скажет — весь этот шальной спектакль может спасти всех.

Губы его тронула кривая, почти злая усмешка. Он повернулся к родителям, и в его голосе, когда он заговорил, уже не было прежней игривости:

— А что, если невеста… никуда не пропала?

Он видел, как отец побледнел, а мать замерла с открытым ртом, будто проглотила невидимую муху. Но внутри него самого, за этой внешней бравадой, поднималась совсем иная буря. Теперь оставалось только объяснить им, что эта «невеста» будет в его, Артура, исполнении. И никакая сила в мире не заставит его отступить. В конце концов, разве не этому учила их бабушка: «Если жизнь даёт тебе лимон — делай лимонад»? А он, Артур, собирался сделать из этого лимона целый королевский пунш.

— Сынок, я не понимаю.

— Папаша, — сказал он, подходя к ширме и касаясь лёгкой ткани. Белое, воздушное, кусочек Парижа, привезённый в кредит. Софья мечтала носить его на своей свадьбе. Только не с графом.

— А если невеста… уже здесь? — говорил он медленно, обдумывая идею. — Но, скажем, нездоровая. Простудилась от ночной прохлады. Голос пропал от волнения. Доктор прописал покой, тишину и… например, плотную вуаль, чтобы сквозняки и пыльца с цветов не беспокоили.

Граф Василий уставился на сына, как на внезапно заговорившую лошадь.

— Ты о чём? О Фенке, что ли? Горничной? Так она с Софьей полная противоположность, да и ростом не вышла! И на графа Бобруйского взглянуть без трепета не может!

— Нет, папаша, — Артур сделал шаг к платью и снял его с вешалки. Ткань зашелестела. — Не о Фенке. Я говорю о том, что у меня с Софией один рост. Нос и подбородок, говорят, похожи. А главное… — он обернулся к отцу, и в его глазах вспыхнул тот самый авантюрный огонёк, который так пугал графа Василия. — Главное, я с Бобруйским хоть разговор поддержать смогу. Не расплачусь. А если что… я хоть драться умею. В отличие от сестры.

«*Что я несу?*— пронеслось в голове. — *Я, Артур Вишенский, собираюсь надеть платье сестры и притвориться ею перед графом Бобруйским? Это же безумие. Чистейшее, непроходимое безумие*». Он сглотнул. В горле пересохло.

«*Я не смогу*, — подумал он. —*Я грубый, неуклюжий, я не умею ходить на каблуках и говорить о погоде с придыханием. А что, если граф догадается? Если он снимет с меня вуаль и увидит щетину? Если я ляпну что-то не то? Мы все пойдём по миру. И Соня, и мама, и папа… Это не шутки. Это жизнь*».

Он перевёл дыхание и вдруг, в этом жутком, ледяном страхе, увидел лицо сестры. Её глаза, такие же , как у него, смотрящие с мольбой и отчаянием. Он знал, что она счастлива с Алексеем. Он знал, что если она вернётся — а она вернётся, когда поймёт, что свобода не

всегда бывает сладкой, — ей будет нужен дом. Ей будет нужно, чтобы этот дом не был продан с молотка.

— Артур, так о чём ты?

Голос отца вырвал его из раздумий.

Но внутри него всё ещё дрожал холодок сомнения. «А я справлюсь? — спрашивал он себя, глядя на своё отражение в оконном стекле. — Смогу ли не выдать себя?»

И тут он вспомнил, как Софья, вместо него ходила к известному художнику, который писал его портрет. Она переодевалась в его сюртук, брала в руки ружьё и полдня позировала. А он преспокойно развлекался с приятелями. И художник, старый и близорукий, так и не заметил подмены. «Если она могла быть мной, — подумал Артур, — то почему я не могу быть ею? Мы же близнецы. Мы — одно целое, разделённое на два тела. Если я сделаю это — я спасу её. И нас всех».

Наступила тишина. Даже графиня перестала всхлипывать. Граф обвёл взглядом сына, платье, портрет хихикающего деда.

— Ты предлагаешь… Ты хочешь… Артур, да ты с ума сошёл! Это же… Это же безрассудно!

— Единственный способ купить время, — твёрдо перебил Артур. — День. Два. Чтобы найти её. А там… кто знает. Может, наш уважаемый жених сам не захочет связывать жизнь с девушкой, которая молчит, как рыба, и чихает от собственного букета.

Дверь приоткрылась, и в щель показалось бледное лицо камердинера.

— Ваше сиятельство… Из усадьбы… Прислали вестового. Карета будет через два часа. Граф также просил передать, что к обеду будет подано шампанское его собственной летней выдержки и… он очень надеется, что невесте понравятся персики из его оранжереи.

Наступила полная тишина. Даже муха замерла. Все смотрели на Артура. Он же смотрел на платье, в котором «Соня» должна была сделать первый шаг к чужой жизни.

Дело пахло уже не летними цветами и нагретой землёй. Оно пахло отчаянием и дикой, невозможной авантюрой. Что, впрочем, в имении Вишенских всегда считалось вполне приемлемым семейным ответом на вызов судьбы.

Тишина, наступившая после сообщения камердинера, была взорвана хаотичным движением. Графиня Анжелика, будто получив электрический разряд, поднялась с турецкого дивана, и в её глазах загорелся огонь отчаянной решимости.

— Два часа! — воскликнула она, хлопая в ладоши так, словно вспугнула стаю невидимых птиц. — Марфа! Феня! Сюда, живо! Мы должны действовать!

Практицизм, дремавший в ней под грудой кружев и предрассудков, проснулся мгновенно. Спасти положение можно было только действием, и она схватилась за эту соломинку с энергией полководца, ведущего войско в безнадёжную атаку.

Артура, уже начавшего сомневаться в здравости собственной идеи, быстро увлекли в будуар его сестры. Комната была залита солнцем, пылинки танцевали в золотых лучах. Здесь всё дышало Соней: акварельные эскизы на столе, раскрытый томик стихов на подоконнике, лёгкий запах лаванды и персиковой пудры. Артур почувствовал себя чужаком, нарушающим священные границы.

Но времени на рефлексию не было. В комнату ворвались горничные во главе с суровой Марфой, нянькой, вынянчившей обоих близнецов. Её взгляд, острый как булавка, смерил Артура с ног до головы.

— Рост в самый раз, — отчеканила она. — Плечи, конечно, шире, но кружевной воротник сделает их менее заметными. Бёдра уже, придётся подкладывать. Лицо… — Она приблизилась, заставив Артура инстинктивно откинуться. — Лицо сойдёт. Брови погуще, челюсть… твёрже. Но после пудры и при свете свечей — не отличишь.

— Марфа, голубушка, ты уверена? — заломила руки графиня.

— Для победы, матушка, всегда уверена, — мрачно ответила нянька и тут же отдала первую команду: — Феня, горячей воды, мыться! И мыло с содой, чтобы запах мужской, пардон, снять!

Началось. Артура, краснеющего от нелепости происходящего, заставили вымыться с каким-то цветочным мылом, от которого закладывало нос. Потом наступила очередь белья. Кружевные панталоны вызвали у него приступ немого хохота, который перешёл в кашель, когда Феня, потупив взор, принялась шнуровать на нём корсет.

Это было похоже на медленное удушение. Воздух покидал лёгкие, рёбра сходились где-то в районе позвоночника с тихим скрипом.

— Легче, Феня! Я должен дышать, ведь Соня ещё не вернулась. Кто будет играть невесту?!

— Барышня Соня тоже дышала с трудом в парадных платьях, сударь… простите, барышня, — бормотала горничная, затягивая шнуровку с силой, достойной лучшего грума на конюшне. — Красота требует… э-э-э… сжатия.

Артур думал, что знает, что такое неудобство. Но это было за гранью. Он, привыкший к свободе движений, к быстрому бегу, к вольному взмаху рапиры, оказался закован в упругую тканевую тюрьму. Стоять было можно. Сидеть — с трудом. Дышать — по договорённости с корсетом.

Он попытался присесть на стул — и чуть не грохнулся на пол, потому что юбки подвели его, и он не рассчитал расстояние. Феня вовремя подхватила его.

— Осторожнее, барин… барышня!

— Я уже жалею, что затеял это, — чуть слышно простонал Артур.

Потом наступил черед самого платья. Летнее, из слоёв воздушного муслина и кружева, оно весило, как кольчуга. Его водрузили на Артура, застёгивая множество мелких пуговиц сзади. Зеркало отражало странное, двойственное существо. Узнаваемое его лицо было прикреплено к изящно-нелепому, пышному силуэту. Сходство с Соней было пугающим и обнадеживающим одновременно.

— Волосы, — скомандовала Марфа. — Парик.

— Никаких париков! — взбунтовался Артур. — Летом, в эту жару? Я свалюсь в обморок на пороге! Наши волосы и так одинаковы.

После короткого спора согласились на компромисс. Благо Артур не стригся довольно долго. Ему нравились длинные локоны. Тёмные волосы Артура старательно уложили, закрутили, закрепили шпильками, вплели жемчужную нить. Процесс был мучительным. Казалось, каждая шпилька вонзается прямо в мозг.

Затем за работу взялась графиня. С помощью белил и румян она старалась смягчить резкие, солнечно-загорелые линии его лица. Артур сидел с закрытыми глазами, терпя кисточки и пуховки, и думал о том, что участники заговора, готовящие покушение, вероятно, чувствуют себя так же — сосредоточенно-нелепо.

— Глаза… Глаза похожи, их не трогать, — судила графиня, откидываясь назад, чтобы оценить работу. — Но взгляд надо смягчить. Опускай ресницы, Артур. Нет, не так, будто ты считаешь ворон! Томнее… Равнодушнее… Будто ты видишь всё, но ничто не заслуживает твоего внимания.

— Матушка, я сейчас вижу только потолок и вашу улыбку.

— Молчи и тренируйся!

Он пытался. Получалось то выражение человека с сильной изжогой, то сонной совы.

Финальным аккордом стала вуаль. Лёгкая, но плотная, из тончайшего кружева, она крепилась к маленькой шляпке и полностью скрывала лицо, оставляя лишь смутные очертания.

— Идеально! — выдохнула графиня, и в её голосе впервые прозвучала надежда. — Никто не увидит… несоответствий.

— Никто не увидит вообще ничего, — пробормотал Артур из-под кружев. — Я сейчас сам споткнусь о собственную юбку.

— Не споткнёшься. Шагай мелкими шагами. Не размахивай руками. Помни — ты хрупкий цветок, сломанный внезапной хворью.

— Я чувствую себя не цветком, а перевязанным снопом сена, — был отчаянный ответ.

Настал момент первой репетиции. Марфа встала в конце комнаты, изображая графа.

— Идём, — скомандовала графиня.

Артур попытался шагнуть. Кринолин коварно отозвался ударом по соседнему столику, едва не опрокинув вазочку с леденцами. Он замер.

— Мелко! — прошептала Феня. — Приставным шагом, бари… барышня!

Второй шаг был лучше. Третий — уже отдалённо напоминал походку. К середине комнаты он более-менее приноровился к этому архитектурному сооружению из ткани и китового уса. Он остановился перед «графом»-Марфой и, как его учили, сделал лёгкий, едва заметный реверанс.

— Голос! — шикнула графиня.

Артур закашлялся, нарочито хрипло и слабо.

— Прошу прощения… — проскрипел он тонким, надтреснутым голосом. — Нездоровье… Голос…

Марфа, игравшая сурового жениха, не выдержала и фыркнула, тут же прикрыв рот рукой.

— Ну, для первого раза… сойдёт, — сказала графиня, но в её глазах читалась мольба ко всем святым. — Главное — меньше двигаться и больше молчать. Кивай. Вздыхай. Подноси платок к лицу. Феня, не отходи от неё ни на шаг, будешь её тенью и голосом, если что.

— Слушаюсь, — кивнула горничная, глядя на «барышню» с суеверным страхом.

Раздался стук колёс во дворе. За Соней приехали.

Артур взглянул в зеркало в последний раз. В отражении стояла изящная, загадочная незнакомка в облаке белого кружева. Его собственные карие глаза смотрели на него из-под вуали с выражением полного недоумения.

— Ну что ж, Соня, — тихо сказал он своему отражению. — Пора в путь. Молчи, кивай и не чихай. Особенно не чихай. Кажется, в этом наряде это физически невозможно.

Графиня перекрестила его, граф Василий, стоя в дверях, лишь безнадёжно махнул рукой.

И под руку с дрожащей Феней, ступая невероятно мелкими шажками, «барышня Соня Вишенская» отправилась навстречу нелепым приключениям. Летний воздух встретил её волной тепла, и вуаль на мгновение прилипла к губам, которые сложились в кривую, абсолютно не девичью улыбку.

В карете.

В карете было душно. Артур, затянутый в корсет до состояния мумии, сидел, выпрямившись, как аршин проглотил, и с ужасом понимал, что дышит только по взаимному согласию с собственными рёбрами. Рядом тряслась Феня, которая то и дело поправляла на нём вуаль и шептала молитвы. Напротив сидела графиня Анжелика, которая была бледна, но решительна, как полководец, отправляющий войско на верную гибель.

— Матушка, — прохрипел Артур, стараясь говорить тонко, — я сейчас умру. Не от страха, а от этого проклятого китового уса, который, кажется, решил объединиться с моими рёбрами против меня.

— Терпи, сынок, — ответила графиня, не глядя на него. — Красота требует жертв. Ты же не хочешь, чтобы твой корсет предательски скрипел при первой же реверансе?

— Я не хочу, чтобы он скрипел при первом моём вздохе! — простонал Артур, но тут же замолк, потому что карета подпрыгнула на ухабе, и его голова мотнулась вперёд, почти ударившись о колено матери.

Феня испуганно ойкнула и схватила его за руку.

— Барин… то есть барышня… вы как, живы?

— Живее всех живых, — мрачно ответил Артур, поправляя съехавшую шляпку. — Вот только если этот экипаж ещё раз так тряхнёт, я, кажется, услышу, как мои внутренности вступают в переговоры о капитуляции.

Графиня вздохнула и взяла его за руку. В её ладони было тепло, а в глазах — та самая любовь, которая была у неё только к нему и к Софье.

— Сынок, — сказала она тихо, — если бы я могла сделать это вместо тебя… если бы я могла надеть платье и поехать к этому ледяному человеку… но я не могу. А ты можешь. Ты — наш единственный шанс. Поэтому, пожалуйста, соберись. Сделай это ради нас. Ради Сони.

Артур кивнул, чувствуя, как внутри него поднимается что-то, похожее на злость. Не на мать, не на отца, не на Бобруйского. На самого себя. На своё отчаяние, на свой страх, на свою нелепую гордость, которая подтолкнула его к рискованным подвигам. Может, он переоценил себя? Может, он выскочка? Сидел бы себе, помалкивал, не геройствовал. Но уже вызвался играть роль, и отступать поздно.

— Хорошо, матушка, — сказал он, и в его голосе уже не было прежней паники. — Я сделаю это. Я буду самой лучшей невестой, которую когда-либо видел свет. Даже если мне придётся для этого забыть, что я мужчина.

Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и попытался представить, как бы вела себя Софья. Как она опускает ресницы, как поправляет волосы, как тихо смеётся, прикрывая рот ладонью. Он повторял её жесты у себя в голове, как актёр, готовящийся к главной роли в своей жизни.

Карета въехала в ворота усадьбы Бобруйского, и Артур с ужасом понял: спектакль начался. И у него нет права на ошибку.

Лесная одиссея.

А пока Артур примерял на себя роль невесты, в нескольких верстах от дома, в густом лесу, его сестра и её возлюбленный пробирались сквозь чащу, не зная, что ждёт их впереди…

Туман стелился по низинам, цепляясь за папоротники и мокрые корни. В предрассветной серой мгле два силуэта пробирались по едва заметной звериной тропе. Софья, в простом тёмном платье и потрёпанной шали, шла впереди, смело раздвигая ветки, которые готовы были отхлестать шедшего следом Алексея. Он выставил руку, как заслонку, чтобы ветки не били его по лицу.

Он нёс в одной руке небольшой саквояж с немногочисленными пожитками Сони, а в другой — футляр со скрипкой. Его городской сюртук был весь в бурых подтёках от росы и зелёных полосах от мха.

— Софи, подожди, там, кажется, овраг… — запыхавшись, проговорил Алексей.

Но Софья уже спрыгнула вниз, подхваченная упругими зарослями малины, и обернулась к нему. Её лицо, испачканное ягодами, сияло такой ликующей радостью, что Алексей на мгновение забыл об усталости.

— Леша, смотри! — она указала на просвет между деревьями, где небо на востоке разгоралось персиковым и лиловым. — Это наше утро! Первое свободное утро! Никакого графа, никаких церемоний!

Он спустился к ней, поскользнувшись на глине, и едва удержал равновесие.

— Оно, конечно, свободное, — улыбнулся он, смахивая грязь с локтя. — И немного… мокрое. И, кажется, очень голодное. Ты не думала о завтраке, о моя бесстрашная беглянка?

— Завтрак будет! — с театральным пафосом объявила Софья, распахивая руки. — Из… лесных ягод! И воды из чистого ручья!

— А пока ягоды ещё не созрели, а ручьи, возможно, полны пиявок, мы можем подкрепиться вот этим, — Алексей достал из кармана свёрток: два примятых бутерброда с ветчиной, чесноком и пряностями, старательно припасённых на кухне экономкой Степанидой.

Они сели на перевёрнутый ствол, прислонившись друг к другу спинами, и делили скудный паёк под трель проснувшейся где-то в вышине пеночки.

— Ты не боишься? — тихо спросил Алексей, обнимая её за плечи.

— Боюсь, — так же тихо призналась Софья, кусая бутерброд. — Боюсь, что папа с мамой не простят. Боюсь, что граф разорит нашу семью. Но больше я боялась остаться там. Я слышала, граф — коллекционер. Не хочу стать частью его… коллекции редкостей. Он меня оценивает как экспонат для будущей витрины. — Она вздрогнула. — А с тобой я не боюсь. Даже в этом мокром лесу. Даже с пиявками в ручье. Это наш лес.

Алексей поцеловал её в макушку, пахнущую дымом и хвоей.

— Тогда вперёд, моя дикарка. К нашим пиявкам и несозревшим ягодам. Куда-нибудь, где нас не достанут.

Они шли уже несколько часов. Утренняя эйфория, когда казалось, что каждый шаг приближает их к свободе, начала уступать место тупой, вязкой усталости. Солнце поднялось выше, но в густом лесу царил полумрак. Ветви цеплялись за одежду, корни норовили подставить подножку, а комары — эти мелкие, но неутомимые палачи — вились вокруг, не давая продыху.

Софья, которая в начале пути смело раздвигала кусты, теперь плелась сзади, тяжело дыша. Её лёгкие туфельки давно промокли от росы, подошвы скользили на мокрой траве, а платье, ещё недавно такое красивое, превратилось в грязную, мокрую тряпку. Она остановилась, упёрлась руками в колени и попыталась отдышаться.

— Алексей, — позвала она, и голос её сорвался на капризную ноту. — Леш, я больше не могу. Это бессмысленно. Мы заблудились, у нас нет еды, я вся мокрая и замёрзшая. Идём уже несколько часов — а вокруг одни и те же ёлки. Мы ходим по кругу!

Алексей обернулся. Его лицо, обычно такое мягкое и мечтательное, теперь было испещрено красными полосами от веток и покрыто испариной. Он подошёл к ней, протянул руку, но она отшатнулась.

— Ты обещал, что за этим лесом будет деревня! — воскликнула она, и в голосе её послышались слёзы. — А там ничего нет! Ты просто хотел меня успокоить, да? Ты сам не знаешь, куда мы идём!

— Софи, — тихо сказал он, делая шаг вперёд. — Я знаю, что это трудно. Но мы не можем остановиться. Нам надо найти воду и место для ночлега. Давай ещё немного, прошу тебя.

— Немного! — фыркнула она, топнув ногой. — Ты всё время говоришь «немного»! У меня ноги стёрты в кровь, я хочу есть и пить, и я хочу домой! Слышишь? Хочу домой!

Она отвернулась и, присев на корточки, закрыла лицо руками. Плечи её вздрагивали. Алексей смотрел на неё, чувствуя, как внутри него поднимается отчаяние, смешанное с раздражением. Но он понимал: она устала, она испугана, она не привыкла к таким лишениям.

— Софи, — сказал он, опускаясь на корточки рядом с ней. — Посмотри на меня.

— Не хочу, — буркнула девушка.

Она не поднимала головы. Тогда он осторожно коснулся её плеча.

— Я знаю, что ты устала. Я тоже устал. Но мы справимся. Мы обязательно справимся. Только не сдавайся сейчас. Пожалуйста.

Она подняла на него заплаканные глаза. И в этом взгляде была такая смесь обиды, усталости и надежды, что у него сжалось сердце.

— Хорошо, — прошептала она. — Ещё немного. Но если через час мы не увидим ни деревни, ни ручья, я лягу прямо здесь и умру.

Он невольно усмехнулся.

— Давай в другой раз. Пошли.

Он помог ей подняться, и они пошли дальше. Софья больше не капризничала, но каждый шаг давался ей с трудом. Она спотыкалась, цеплялась за кусты, несколько раз чуть не падала. Алексей поддерживал её под локоть, но она постоянно отдёргивала руку, раздражённая своей же слабостью.

— Я ненавижу себя, — пробормотала она, когда они остановились перевести дыхание. — Я сбежала из дома, чтобы быть свободной, а теперь плачу из-за того, что у меня мокрые туфли.

— Мы прошли уже много километров, — мягко сказал Алексей. — И ты держишься очень хорошо. Гораздо лучше, чем я ожидал.

— Это комплимент? — с сарказмом спросила она.

— Это правда. Хотя ты немного похожа на мокрую ворону, которая надулась и ругается на весь мир.

Софья фыркнула, но в глазах её мелькнула искорка улыбки. Он взял её за руку, и на этот раз она не отдёрнула.

— Идём, — сказал он. — Надо найти ручей.

Они шли ещё минут сорок, пока лес не начал редеть. Впереди, между стволами, заблестела вода. Небольшой ручей, чистый и быстрый, бежал по каменистому руслу. Софья чуть не закричала от радости. Она бросилась вперёд, опустилась на колени и начала пить прямо из ручья, зачерпывая воду ладонями. Алексей присоединился к ней. Вода была холодной и прозрачной, и казалось, что вместе с ней в их тела вливается новая жизнь.

— Господи, спасибо, — прошептала Софья, поднимая мокрое лицо к небу. — Это лучшее, что я пробовала в жизни.

— Это вода, — усмехнулся Алексей. — Просто вода.

— Не просто, — возразила она. — Это свобода. Она на вкус как свобода.

Он посмотрел на неё, на её мокрые волосы, на её сияющие глаза, и вдруг почувствовал непреодолимое желание поцеловать её. Именно здесь, на берегу этого ручья, среди этой зелени и тишины. Он сделал шаг ближе, протянул руку, чтобы коснуться её лица, и наклонился.

Софья заметила его намерение за секунду до того, как его губы должны были коснуться её губ. Она мягко, но решительно отстранилась, чуть откинув голову назад.

— Нет, — сказала она тихо, но твёрдо. — Не здесь.

Он замер, удивлённый и немного растерянный, и в его взгляде читалось: «Почему?».

— Я… — она отвела взгляд, чувствуя, как щёки заливает румянец. — Я не хочу, здесь.

Он смотрел на неё несколько секунд, и внутри него боролись разочарование и понимание. Потом он кивнул и улыбнулся, хотя улыбка была слегка вымученной.

— Понимаю.

— Нет, — она взяла его руку и сжала. — Просто… не сейчас. Хорошо?

— Хорошо, — согласился он.

Они ещё немного посидели у ручья, потом Алексей, набрав воды в флягу, огляделся по сторонам.

— Нужно найти место для ночлега, — сказал он, пытаясь придать голосу бодрость. — Скоро стемнеет.

— Где? — Софья обвела рукой лес. — Здесь нет ничего. Одни деревья и комары.

— Найдём, — пообещал он. — А там недалеко должен быть населённый пункт.

Они пошли вдоль ручья, надеясь, что он выведет их к жилью. Спустя ещё час усталость снова дала о себе знать. Софья начала жаловаться всё громче.

— Я ненавижу этот лес, — раздражённо говорила Софья, и её голос готов был сорваться на крик. — Ненавижу эти деревья, эту грязь, эту тишину. Я хочу нормальную кровать, горячий чай и одеяло. Мне не нужна свобода, если она такая неудобная.

— Вспомни, ради чего мы это делаем, — напомнил Алексей. — Граф Бобруйский. Долги. Холодная усадьба, где ты будешь как в клетке.

— Сейчас мне кажется, что клетка была бы теплее. Я уже не могу. Я хочу кричать!

— Кричи! — смирился Алексей.

И Софья закричала что есть мочи. Эхо повторило её голос, усиливая интонацию. В этот момент она заметила впереди неясный силуэт.

Софья замолчала и толкнула локтем Алексея.

— Смотри!

Сначала им показалось, что это просто скопление кустов, но чем ближе они подходили, тем яснее становилось: это была маленькая, полуразвалившаяся избушка. Она стояла на поляне, окружённая старыми, трухлявыми пнями, и выглядела так, будто её не открывали много лет.

— Софи! Смотри! — воскликнул он, указывая вперёд. — Дом!

Софья подняла голову, и в её глазах загорелась искра на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.